

АРКАДИЙ РАЙКИН о своей новой программе

Вернувшись со своих триумфальных лондонских гастролей, Аркадий Райкин подготовил новую программу. Сейчас он показывает ее московским зрителям.

У театра столпотворение. Достать билеты невозможно. Так что несмотря на корреспондентский билет, мне не удалось занять место в зрительном зале.

Новый спектакль театра Аркадия Райкина я смотрел из-за кулис. Никогда не представлял раньше, какой это гигантский и безупречный механизм—райкинский спектакль.

На сцене Райкин мгновенно меняет костюмы и маски. За кулисами кажется, что эти миноневы растапливаются. Никакой суеты, четкие согласованные движения. Вот когда подтверждается поговорка «торопиться медленно!». Раз—в руках у костюмерши оказывается черная пиджачная артиста. Два—он надевает нужную по роли куртку. Три—и на лице уже новая маска. (Впрочем, можно ли назвать маской жест-

кий парик, соединенный с искусственным носом).

Ошеломляющий темп спектакля поддерживается в течение всего вечера. Райкин же доволен: «Быстрее, быстрее!»

Наконец—одна из интермеди, в которой он не занят. Кажется, можно уйти из-за кулис, хоть немного отдохнуть. Он не уходит. Смотрит на артистеров и с досадой прищелкивает пальцами. Темпераментно шепчет: «Громче же, громче!»

Зато, когда иривается, стоит молча и поглядывает—вокруг улыбающимися глазами. Словно приглашает других разделить с ним радость.

Потом опять врывается на сцену в новом образе—улыбающийся, веселый. А я вижу, как тяжело дышит актер, на секунду вернувшись за кулисы.

Не выдерживая, спрашиваю: «Аркадий Исакович, почему Вы не берете себя?»

— Беречь себя в искусстве невозможно,—говорит Райкин.—Когда актер выходит на сцену и думает сна-

чала о своем здоровье, нервах, искусстве пропадает. Пока я работаю—я здоров.

С годами в творчестве Райкина появляются новые черты.

Раньше смех—веселый, злой, грустный—казался основным и, пожалуй, единственной стороной его дарования. Услышав «Райкина», люди невольно улыбались. В новой программе «Волшебники живут рядом» (автор Хазия, постановщик Тутышкин) много удивительно смешных миниатюр. Профессор-старичок робко уговаривает студентов разрешить ему принять у них экзамен и со скорбной миной выслушивает их замечания. Муж ухаживает за женой и ее гостями—любовницами выпить и сыграть в карты. Но в этой же программе Райкин играет старого интеллигента, совершенно отказавшись от сатирических красок.

— Мне хотелось,—говорит Райкин,—сыграть человека доброго, кристально честного, предельно верящего в людей. Такой образ в наших программах встречается не впервые. Вспомните хотя бы семейную пару, которая на спектакле с трагической улыбкой вспоминает молодость. Везде сидят самые дорогие люди. На-

ша обязанность, чтобы все они ушли со спектакля задумавшись. Даже рассказанный в маленькой компании анекдот все воспринимают по-разному. Кто-то переспрашивает, кто-то не понимает. Иной зритель тоже не всегда проникает в глубину того, что ему говорят со сцены. К нему нужно искать дорогу. Вы должны были заметить, что наш новый спектакль—острый, даже эксцентрический по форме—прежде всего очень человечен. Рассказать о жизни человека—главная цель постановки.

Заглянем в программу нового спектакля. Райкин—докладчик, директор учреждения, бюрократ. Из года в год играет Райкин этих бюрократов, чинов, демагогов. И не повторяется. Несколько секунд живет на трибуне в прологе спектакля докладчик. Оживленно жестиккулирует, произносит несколько избитых фраз, а зритель может уже рассказать о нем многое. Знает его привычки и характерные жесты, по взгляду на других героев угадывает его симпатии и антипатии.

Как протекает у Райкина процесс работы—над образом?

— В каждой миниатюре меня ви-

тересует прежде всего явление, которое стоит за героем. Нет просто бюрократа, есть бюрократ с фамилией, именем, биографией. Может быть, даже не на работе он чудесный человек, милый, добрый, душа общества. Поиск индивидуальный характеристики персонажа, которая поможет лучшему выявлению содержания миниатюры, составляет один из главных моментов работы над образом.

Что помогает актеру уловить наиболее характерное в людях?

Наблюдательность, наблюдательность и наблюдательность. (Райкин произносит эти слова трижды). В сценическом искусстве тоже абсолютно действительна система Станиславского, согласно которой актер отталкивается от действительности. Конечно, когда человек приходит в какое-нибудь учреждение, то даже самый замороченный бюрократ отнюдь не раскроет ему всех своих недостатков. Но я наблюдаю. И замечаю, как разговаривает он по телефону, смотрит на женщину с какой-то важной бумагой. В новой программе действует старичок-профессор. Я знаком с таким в жизни. Пала, читающий ребенку наставления о вреде вранья и

сам не придерживающийся этих наставлений—знаю я и такого. Да и вы тоже знаете. Ничего не придумываю—наблюдаю.

Программа «Волшебники живут рядом» построена на простом формальном приеме. Часто люди говорят: «Поставьте себя на мое место». Автоом и сделали это. Поставили одного человека на место другого. Сына—на место отца, профессора—на место студентов. Рядовой бухгалтер, оказавшись на месте высокопоставленного начальника, не привыкшего самостоятельно решать все вопросы, кроме футбольных, отнюдь не превращается в бюрократа. «Не место красит человека, а человек место». Поэтому я и обратился с последним шутливым вопросом к собеседнику:—Аркадий Исакович, что бы Вы спросили на моем месте у артиста Райкина?

— Я спросил бы его, действительно ли сатира—«легкий жанр»? И получил бы ответ: «Самый тяжелый». Самый тяжелый—потому что он затрагивает самые серьезные проблемы

жизни. Сатира подразумевает и представление действительности, и пропаганду нового, и борьбу со старым, отжившим. Есть люди, которые любят оперу, есть, которые ее просто не любят. Прости не любить из-за жанра, нельзя—или любить или ненавидеть. Часто, как геологи в тайге мы прокладываем новые тропы в искусстве. Мы хотим, чтобы люди не только смеялись, но чтобы они задумались над глубиной мысли, над существом вопроса. «Легкий жанр»—тяжелый жанр. Ростислав ПОСПЕЛОВ